

Шёлк

Акихито снился сон. Это был цветной сон, в котором он, художник, явственно различал всю палитру красок и богатство оттенков. Каждый лепесток цветов, который выводила кистью его умелая рука, тут же оживал, ирисунотачинал источать лёгкий, едва уловимый цветочный аромат. Но потом мозг подсказывал, что краски пахнут иначе, и тогда Акихито чувствовал запах рисовой основы нори, которой пропитывают шёлк, и аромат трав, из которых делают натуральные краски. Акихито воодушевляли эти запахи, ведь они предвещали настоящую работу. Кага-юдзэн, искусство росписи по шёлку, которому он обучался столько лет, который месяц не могло прокормить его, и только во снах к нему возвращалась уверенность, что скоро всё наладится, а с хорошими красками он даже прославится как мастер.

Акихито шёл двадцатый год, и видеть цветные сны было естественно для юноши с тонкой творческой натурой. Просыпаясь, он улыбался и снова неизбежно верил в красоту, понимание которой передала ему бабушка Мизуми. Оба они родились и выросли в Киото, богатейшем городе Японии, который веками был столицей «страны восходящего Солнца», пока это звание не перешло Токио. Мизумичасто рассказывала внуку о том, каким прекрасным был город в её детстве, как утопал в садах и парках, пока жизнь города не изменил злосчастный конфликт у императорских ворот с последовавшим за ним пожаром, уничтожившим почти двадцать тысяч домов и храмов Киото. И хотя тогда Мизуми была совсем ребёнком, картина полыхавшего города навсегда врезалась в её память. Потому, рассказывая Акихито легенды и сказки Японии на ночь, Мизуми то и дело вплетала в них воспоминания о тяжёлых временах, научивших семью Коэн никогда не опускать руки. Когда в пожаре выгорел квартал Нисидзин, где мастера своего дела занимались кага-юдзэн вот уже пять столетий, выжившие не умерли от голода лишь благодаря самураям, всегда поддерживавшим древнее искусство. Мизуми любила повторять, что истинный самурай не может без росписи по шёлку. Это для простых японцев «кимоно» значит «носить вещь до износа на плечах», а самураи Киото не успевали менять свои наряды. Близость этого района к императорскому двору и окружающей его знати требовала богато расписанных шёлковых халатов. Дети и взрослые, их возраст, сезон, случай, по поводу которого надевалась традиционная одежда – всё это гарантировало нескончаемый спрос на

умения, которые Мизуми передала своему внуку Акихито. И вот теперь, когда жизнь снова потеряла своё хрупкое равновесие, художник продолжал верить, что красота спасёт этот мир, когда тот устанет от ужасов войны. И пусть самураев больше не существует, ему стоит следовать за военными, в руки которых направлены главные финансовые потоки страны.

С тех пор, как император Хирохито провозгласил курс на объединение страны с гитлеровской Германией, дела у художника шли всё хуже и хуже. А с началом военных действий краски и вовсе стали дефицитом. К тому же, все знатные дамы японского общества стали массово сдавать шёлковые халаты для военных нужд страны, не претендуя на новые. Милитаризованный дух, так изменивший привычную жизнь, пугал Акихито. Чем зарабатывать на жизнь, если всё его мастерство заключалось в умении класть краску на шёлк? Даже постоянные клиентки гейши, для которых художник расписывал дешёвое полотно мейсен в новомодном стиле ар-деко, потянулись в китайский Харбин, объявленный «Великой сферой восточного сопроцветания» созданного Японией государства Манчжоу-Го. Харбин, основанный когда-то русскими поселенцами как станция Китайско-Восточной железной дороги, был полон эмигрантами, бежавшими из царской России после революции. Одна власть сменялась на другую, но, продолжая работать наравне с китайцами на КВЖД, русские стремились выжить в Харбине, где все приоритеты отныне отдавались японцам. От знакомых Акихито слышал, что в этом городе кимоно всё ещё оставалось обязательным на свадьбах, похоронах и других официальных мероприятиях, что гарантировало спрос на умения художника. И он решился...

Был летний полдень, когда колокольчик на двери лавки художника зазвенел, возвещая приход посетителей. Акихито поднял глаза и застыл от неожиданности: две русские девушки в европейских платьях с интересом рассматривали зонтики от солнца. – Наташа, но они стоят слишком дорого – целых пятнадцать гоби! Нет, ты не можешь себе это позволить, ведь сегодня был твой последний урок с учеником. Оставшихся десяти гоби всё равно не хватит на покупку такого зонтика. Наташа, ты только подумай, что скажет мама? Ведь она рассчитывает на эти деньги!

Спутница всё ещё отговаривала Наташу, но та уже не слушала – как замороженная, она застыла перед пурпурными цветами на голубом фоне.

Акихито радовался: определённо его лавка открыта в удачном месте – рядом с набережной реки Сунгари с её летними столиками, которая для юных

красавица ставалась единственной возможностью блеснуть нарядами. А японский зонтик и китайский веер были обязательными аксессуарами харбинских девушек. В поисках таких предметов Наташа и заглянула в магазинчик Акихито.

Ошеломлённый нетипичными для Азии белокурыми локонами посетительницы, Акихито бросился показывать ей все свои работы, лишь бы задержать девушку в лавке подольше. Почувствовав пристальный взгляд художника, Наташа подняла глаза и улыбнулась. Глаза у неё были голубыми, отчего ни с чем не сравнимый восторг прошёл по телу Акихито: именно такого цвета полотно он видел в своём последнем сне. Он знал, как назовёт для себя этот небесный оттенок – «Наташа». Девушка ушла с покупкой, оставив лёгкий флёр духов и зародив у Акихито мечты о том, как он пройдёт по Харбину в хорошем костюме и с приличной суммой денег в кармане. Пожалуй, он даже наберётся смелости пригласить Наташу в ресторан. Фешенебельная «Помпея» – вот куда он её поведёт! Никаких дешёвых забегаловок вроде «Палермо» или «Соренто» – нужно только заработать достаточно денег. Ах, если бы только у него появился большой заказ, желательно государственный!

Когда от местной жандармерии поступило предложение потрудиться на благо Японии, Акихито согласился не раздумывая. Утром назначенного дня он, облачившись в лучшую рубашку, в назначенном месте ждал прибытия транспорта, который должен был доставить художника по предписанию.

Послышался шум мотора, и Акихито различил в клубах пыли приближающийся грузовик. Это был очень странный автомобиль. Наглухо обшитый металлом, он выглядел как броневи́к и внушал почтение и страх. Тут же вспомнились слухи о том, что в Харбине пропадали люди, но в тюрьмы они не попадали. По телу юноши поползли мурашки. «На что я подписался?» – подумал он. Однако бежать было уже поздно.

Из кабины вышел человек в форме с непонятными нашивками. Акихито направился прямо к нему.

– Господин Нисумо Кочо? Я Акихито Коэн, художник. Меня направили в ваше распоряжение.

– Художник в «особое распоряжение»? – Уголки рта Нисумо Кочо поползли вверх. – Садитесь в салон и ждите. Мне необходимо принять партию марута. После приёмки мы поедём.

Акихито с лёгкостью запрыгнул в кабину. Послышался тяжёлый звук открывающихся засовов надверях грузовика. Что-то глухо роняли на землю, волокли под беспорядочный топот солдатских ботинок, загружали в грузовик, а потом снова задвигали засов. Открылась боковая дверь и рядом с Акихито уселся Нисумо.

– Заводи, поехали, – скомандовал тот шофёру.

Ехали долго. Какую-то часть времени дорога проходила вдоль железнодорожного полотна, и Акихито мог видеть, как в каждом поезде, проходящем мимо, спешно задергивали шторы. Акихито знал, что когда-то тут была деревня Пинфан на триста китайских дворов. Но её сожгли, чтобы освободить место для строительства лагеря «Главного управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии». Именно так называлась часть, где срочно понадобились услуги художника.

Вскоре грузовик въехал за ограждение на пустыре, и охрана спешно закрывала ворота. Территория лагеря оказалась огромной. Аэропорт, какие-то ангары и бесконечная вереница сооружений – во всём ощущался размах. Даже труба, из которой непрерывно валил чёрный дым, возвышалась над округой гигантской башней.

Художника высадили у свежевыбеленного барака. К нему тут же подошли конвоиры.

Нисумо Кочо, за всю дорогу не проронивший ни слова, протянул направление Акихито конвоем, кивнул художнику на прощание и сухо добавил:

– Вы поступаете в распоряжение особого отряда медицинской службы генерала Сиро Исии. Поздравляю вас с началом работы на благо великой Японской империи. Марута ждёт вас.

Марута – «брёвна»... Снова Акихито услышал это слово. Конвоиры сопровождали прибывшего на второй этаж здания. Здесь всё казалось безупречно чистым: и белая плитка, и двойные стеклянные двери, за которыми мелькали люди в медицинских комбинезонах и масках, и блестящие металлические стеллажи. После тщательного досмотра охрана запустила Акихитов в отдельный кабинет, где его уже ждали.

Навстречу шагнул господин в белом халате, пахнувший дорогим одеколоном.

– Добрый день, господин Коэн! Я – микробиолог Сиро Исии, и с сегодняшнего дня вы – мой подчинённый, прикреплённый к особому отряду Квантунской армии под номером семьсот тридцать один. Здесь мы проводим лабораторные исследования, много исследований ежедневно. Полагаю, вас не шокирует вид препарированных крыс? Пусть вас также не смущает расходный материал, используемый нашими медиками в работе. Подопытные крысы везде свои. А у нас они выглядят именно так, как выглядит

враг японского солдата. Для простоты этот материал у нас принято называть «марута». Ваша работа в отряде будет заключаться в отображении опытов, проводимых в лаборатории. К сожалению, чёрно-белая фотоплёнка не передаёт результат нашей работы. Но у нас есть шёлк. Вас нам рекомендовали как настоящего художника, способного передать любые оттенки на шёлке. Так ли это? Что ж, здесь вы найдёте наилучшее применение своему таланту.

Акихито учтиво поклонился. Сиро Иси продолжал:

– Ваша задача, господин Коэн, – рисовать как можно реалистичнее. Завтра вы приступаете к работе. «Ад марута» ждёт вас!

Утром за Акихито зашёл человек в военной форме и приказал следовать за ним. Послушно надев выданные ему медицинский комбинезон, защитную маску и очки, художник переступил порог лаборатории, где группа людей в таких же одеждах окружила операционный стол.

В помещение внесли «марута» с застывшими во льду конечностями, которые тут же отбили ударом палки. Человек был ещё жив, хотя его уже трудно было назвать человеком. Медики принялись записывать увиденное, художник – подбирать краски: оттенков жёлтого и зелёного явно было недостаточно. Акихито пришло на ум, что неплохо было бы использовать сумаховую краску с её необычным коричневым оттенком, – и тут же ужаснулся этой мысли, ведь таким цветом в Киото расписывали кимоно для одного единственного человека в Японии – императора. Он до боли в пальцах сжал кисть, проверяя чувствительность. Но руки не слушались. Молодой человек начал задыхаться, а его одежда под комбинезоном пропиталась стекающим по спине потом. Первый час работы казался бесконечным. Но вот мольберт отодвинули, и какой-то лаборант, наклонившись к Акихито, прошептал:

– Пойдём за мной, я знаю, что тебе сейчас нужно.

Акихито послушно спустился за лаборантом в подвал, где его взору предстали ряды бочек, обтянутых соломой.

Из глубины подземелья тянуло жаром, в огромной печитрещали поленья и слышалось странное пение. Лаборант, снявший маску, оказался мальчишкой с седыми висками. Улыбаясь, он пояснил Акихито:

– Опять старик Итиро поёт. Не обращай внимания, он сумасшедший.

Из-за угла показалась гружёная доверху тележка, которую катил сухой старик, протяжно напевавший колыбельную. В свете мерцающей печи Акихито разглядел

содержимое тележки: части тел, руки, ноги. Чувствуя, что теряет сознание, он поспешил снять маску, дрожащими руками расстегнул комбинезон. От печи исходил сладкий тошнотворный запах, который мгновенно пропитывал волосы и одежду. Захотелось избавиться от этого запаха хотя бы на время.

Лаборант понимающе смотрел на Акихито. Он взял кружку, висевшую на вбитом в стену гвозде, и, зачерпнув желтоватую жидкость из приоткрытой бочки у лестницы, настойчиво протянул Акихито:

– Пей!

В нос ударил запах неочищенного сакэ. Сделав глоток, художник ощутил, как вместе с теплом по телу растекается обволакивающий покой.

«Завтра я приведу в порядок свои чувства. Завтра. А сегодня я не хочу думать ни о чём», – решил Акихито, допивая до дна.

Утром следующего дня в мастерскую принесли выбеленный перекисью шёлк и незаконченный вчерашний рисунок Акихито. Сняв его край в ладони, художник вспомнил бабушку Мизуми и её ласковый голос: «Изнанка любого листка так же привлекательна, как и его лицевая сторона, а жухлые или изъеденные гусеницами листья – часть истории жизни, которая бесценна». Да, именно так! Отныне всё, что предстояло увидеть в лаборатории, станет для Акихито частью истории жизни. А значит, он просто обязан превратить свои рисунки в подлинное искусство. И художник погрузился в прорисовку деталей на шёлке.

Дверь приоткрылась, в комнату беззвучно зашёл Сиро Исии. Наблюдая, как художник превращает шёлк в летопись новой истории, творцом которой генерал считал собственный гений, Исии произнёс:

– Ну что же, очень даже неплохо... Удивительный материал этот шёлк, вы не находите? Мягкий и послушный, он впитывает краски лучше любой бумаги. Вы знакомы с легендой о его создании?

– Да, ваше Превосходительство. Ещё в детстве бабушка рассказывала мне, как жена Жёлтого императора Хуан-ди, прародителя всех китайцев, Синь Лян Ши увидела, как кокон тутового шёлкопряда упал в горячий чай и стал разматываться в длинную нить, приятную на ощупь. Легенда гласит, что, собрав все коконы, Синь Лян Ши выткала из нитей легчайшую ткань, из которой сшила одежду императору. И хотя у повелителя всех китайских племён было более тысячи жён, только одна вошла в историю, став покровительницей шёлка.

– Что ж, прекрасно, господин Коэн! Эти китайцы умудрились держать секрет производства шёлка в тайне от нас более трёх веков. Тем не менее, для Японии нет ничего недоступного. И рано или поздно мы берём верх во всём, когда-то угодно императору. Так происходит и сейчас. Кстати, армия Чингисхана всегда носила исключительно шёлковые рубахи под доспехами. И знаете почему? Стрела, пробивавшая доспехи, не могла пробить шёлковую рубаху. А если всё-таки стрела проникала в тело, то рана оказывалась перемотана шёлком – прекрасным антисептиком, быстро впитывающим кровь. Так что вы имеете дело с вооружением, хотя и самым невинным. Впрочем, производить оружие необязательно. Сегодня его можно получать, вернее, выращивать лабораторным путем. Куда надежнее современных пуль и снарядов простые вирусы и бактерии – невидимые глазу, всесильные возбудители чумы, сифилиса, холеры, сибирской язвы... Видите ли, господин Коэн, история наглядно продемонстрировала, что всё оружие первой мировой войны оказалось неэффективным по сравнению с обыкновенной эпидемией испанки. Двадцать пять миллионов без единого выстрела, без необходимости содержать армию, которой вряд ли бы удалось уничтожить такое количество врагов даже при самом лучшем раскладе. К тому же, человек – крайне ненадёжен как оружие. Всё это бесконечное братание на фронтах русских и немцев в первую мировую – в чём смысл таких армий, которые в любой момент могут перестать подчиняться приказу? Как японец вы понимаете, как недопустимо подобное поведение. Нельзя видеть в противнике человека. Нельзя смешивать дело и человеческие эмоции. Хотя многие творческие люди считают, что в этом и есть суть искусства, дарящем бессмертие. Но люди смертны. Лишь нации способны на бессмертие. И если вы, господин Коэн, лично пойдёте дальше общепринятых понятий в искусстве, вы станете полноправным сыном великой Японии и истинным подданным потомка солнца Аматаэрасу. Помните об этом, господин Коэн!

Генерал взял в руки рисунки из лаборатории и продолжил поучать Акихито:

– Нам предстоит продвижение на север и война с Советским Союзом, подготовка к которой начинается здесь, на территории нашего лагеря. Как вы знаете, император Хирохито – морской офицер по образованию. И он умеет делать выводы. Победа Японии в Цусимском сражении показала превосходство японского военного флота над российским. Но у русских есть кое-какие преимущества, которые мы обязаны учитывать при подготовке к войне с ними. И это, прежде всего, их климат, холодные зимы. Обморожение выводит из строя самых лучших солдат и способно нарушить

планы любого стратега. Поэтому эту проблему мы изучаем здесь, в лагере Отряда семьсот тридцать один.

С этой целью в особые поставки войдут не только китайцы и монголы, но и русские брёвна. И этот материал будет поступать в достаточном количестве, чтобы вы могли запечатлеть продвижение лабораторного эксперимента на всех стадиях.

На этом Исии Сиро покинул художника, предоставив ему переосмысливать услышанное. Пытаясь справиться с эмоциями, Акихито закрыл глаза, представляя себя в родном Киото. Когда-то его называли Хэйен-кё – «столица мира и спокойствия». Человек, рождённый в таком уникальном месте, должен сохранять самообладание в любых обстоятельствах. В конце концов, лагерь и то, чем он занимается, – всего лишь форма. «Форма ничто иное как пустота. Пустота ничто иное как форма. Всё видимое пусто», – Акихито мысленно погружался в сутру «Сердце неизбывной мудрости». Истинный творец способен вдохнуть любой смысл в пустоту, придавая ей правильную форму. То, над чем ему предстоит работать – форма жизни за минуту до смерти, тонкая грань перехода от живого к мёртвому и борьба за жизнь – есть ли что-либо более эпическое для вдохновения художника? Но как мёртвое сделать живым? Акихито на секунду задумался. А как же камень? И земля? Разве сочетание одного с другим не даёт основу для жизни растению? Нужно лишь добавить воды... Его краски – разве они не животворящая вода? У него получится, шёлк непременно оживёт!

По мере становления частью единого механизма, беспокойство стало покидать Акихито. Наблюдая за выживанием других, он как никогда приблизился к пониманию философии Лао Дзы: «Не привязывайся ни к чему».

Но истинное испытание на прочность оказалось впереди. Настал день, когда ему доверили «особую работу» на полигоне, где очередная адская задумка Сиро Исии должна была подтвердить эффективность нового биологического оружия.

В тот день пятнадцать «брёвен» привязали к деревянным крестам в открытом поле. Сверху их накрыли одеялами, оставив оголёнными лишь ноги: испытуемым предстояло пережить бомбардировку керамическими бомбами. Распыление чумной жидкости с самолётов в предыдущих опытах оказалось неэффективным – бактерии погибали, не попадая на тела. Заражение через инфицированных мышей дало лучшие результаты. Но чумные блохи – вот адская задумка Исии Сиро! И самый простой и действенный метод при этом – бомбардировка с воздуха бомбами, начинёнными чумными блохами. Единственной проблемой оставалось то, что при взрыве бомб насекомые погибали. Но

и эта проблема была решена. Идею подсказала знакомая гейша, угощавшая Исии Сирозелёным чаем и случайно разбившая при этом керамическую вазу. Керамические бомбы – идеальные контейнеры для блох, были изготовлены за неделю. В каждую из них поместили тридцать тысяч заражённых насекомых. Одеёла при этом использовались как защита от осколков фарфора. Когда всё было позади, с маруtasняли одеяла. Тут настал час Акихито.

Крики обречённых, пытавшихся вырваться, переходили в измученные стоны, и художник жалел, что красками нельзя было запечатлеть само страдание – картина оставалась неполной. Осознание, что не цветы и не птицы должны оживать на шёлке, чтобы мастеру стать великим, подгоняло его работать с особым рвением. Но чем нанести агонию на шёлк? Неожиданно художник столкнулся взглядом с глазами небесного цвета... Сосредоточившись на изображении, Акихито не сразу понял, что лицо этой женщины ему знакомо. Эти голубые глаза... Наташа! Не может быть! В этот момент Сиро Исии, наблюдавший за работой художника, подошёл к Акихито, пытаясь понять причину его замешательства. Заметив, что кобура на поясе генерала расстёгнута, художник не колебался. Он выхватил пистолет, поднёс оружие к подбородку и, нагнувшись над мольбертом, нажал на курок. Послышался выстрел. Звук, брызнувший алым на полотно, оживил неживое. «Шёлк – это я!» – было последней мыслью Акихито.